

тате каких беспорядков и несчастий он наконец разрушил империю Великого Константина»¹¹².

Сила монархии и наличие в ней схизмы «сцеплены» здесь напрямую. Схизма описывается Мэмбуром в первую очередь как антиправительственное движение. Рассказ Георгия Пахимера о восстании родственников Михаила Палеолога (они были недовольны заключением Лионской унии) дает Мэмбуру повод заключить: «Вот чего должны бояться государи от схизматиков, которые в жутком ослеплении, являющемся наказанием им за их ересь, убеждены, что во имя защиты их убеждений, которые они зовут религией, все самые тяжкие преступления, презрение к духовным и светским властям, восстание против государя, союз с врагами государства являются для них великими выражениями добродетелей»¹¹³.

Божественное наказание, мысль о котором проскальзывает и здесь, имеет, однако, совершенно иную функцию. Божественная воля не выступает тут более или менее произвольно действующей причиной явления, но только санкционирует его естественный «внутренний состав». Ересь губит монархию сама по себе, в силу внутренней несовместимости с абсолютизмом. Она влечет за собой гражданскую войну не из-за упадка нравов или в результате божественной кары, а в силу отсутствия идейного единства — высшей санкции единства политического: «Примеры зарубежной и отечественной истории убеждают нас, что нет ничего более предосудительного в монархии, где все должно быть сведено к совершенному единству под властью одного главы, чем различие религиозных чувств, ибо, разделяя члены по самому деликатному поводу между собой, оно со всей легкостью под благовидным предлогом свободы совести отделяет часть от вождя, который не покровительствует ей»¹¹⁴.

В противоположность терзаемой смутами Византии Франция накануне ревокации Нантского эдикта рисуется Мэмбуром страной, избавившейся наконец от схизмы. Противопоставление благочестивых французских королей нечестивым василевсам находит предельно красноречивое выражение в следующем высказывании Мэмбура: «... в различном поведении греческих императоров и французских королей можно найти уроки того, что является доброй, а что — дурной политикой»¹¹⁵.

Изложенные взгляды Мэмбура отличаются от представлений его предшественников не столько в изложении фактов, сколько в осмыслении примерно одного и того же материала. В этой эволюции проявилась тенденция к более рационалистическому осмыслению истории в рамках клерикально-абсолютистской историографии. В то же время на нее повлияли новые черты религиозной политики Людовика XIV. Как политическая организация протестантская партия была сломлена еще при Ришелье. Теперь речь шла об искоренении кальвинизма как вероучения, не о компромиссе между религиями, а о жесткой религиозно-политической унификации общества. Представление о несовместимости ереси и абсолютизма и лежало в основе взглядов Мэмбура на Византию.

* * *

Итак, в XVII в., в период расцвета французского византиноведения, во Франции утвердилось резко отрицательное отношение к Византии. На всем протяжении рассмотренного нами периода автократию считали нестабильной, слабой и закономерно погибшей деспотией. Вся ее история представлялась сплошным упадком. Причины его понимались по-разному. Во второй половине XVI в. гуманисты склонны были искать их в первую очередь в феодальных уособиях византийских магнатов. В конце XVI в. оформилась клерикально-абсолютистская концепция истории Византии, согласно

¹¹² *Maimbourg L. Histoire du schisme des grecs. P., 1680, t. I, epître.*

¹¹³ *Ibid., t. II, p. 116.*

¹¹⁴ *Ibid., t. I, p. 294.* См. также: *Stanesco E. Le XIe siècle byzantin: évolution d'une image historique aux XVIe—XIXe siècles. — RÉSEE, 1968, t. VI, N 1, p. 93.*

¹¹⁵ *Maimbourg L. Histoire... des iconoclastes... t. I, p. 6.*